

A dramatic, painterly illustration of a sea battle. In the foreground, a wooden sailing ship is being overwhelmed by a massive, dark, multi-limbed sea monster. The monster's tentacles and body are dark and textured, with sharp, spiky protrusions. The sea is a deep, turbulent blue-green, with white foam from the waves. In the background, another ship is visible, and the sky is filled with dark, swirling clouds and a bright, hazy light source, possibly the sun or moon, creating a dramatic atmosphere. A circular age rating badge is in the top right corner.

18+

Андрей Тимофеев

Пробуждение

Роман

Андрей Тимофеев

Пробуждение

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Тимофеев А. Н.

Пробуждение / А. Н. Тимофеев — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Роман Андрея Тимофеева о жизни московских молодых парней и девушек в непростом для России 2014 году. Где-то за тысячи километров присоединяется Крым и полыхает Донбасс, а здесь, в Москве, кто-то ходит на митинги, кто-то собирает гуманитарную помощь, а кто-то не хочет ничего знать о политике. Молодые люди влюбляются, ссорятся, живут своей жизнью. Но жизнь эта уже не может быть прежней – большая трагедия коснётся каждого, как бы далеко он от неё не находился.

Андрей Тимофеев
Пробуждение
Роман

Часть первая

1

Эта история началась для меня 15 марта 2014 года, накануне референдума о статусе Крыма. В ту холодную промозглую субботу на улицах Москвы, казалось, было столько же людей, сколько и в обычный выходной день, и никто никуда не спешил, и не происходило ничего особенного. Но где-то у метро, на автобусных остановках, в уютных кафешках собирались тысячи людей – собирались, чтобы разделить потом на две части, на два больших митинга. Один должен был состояться на проспекте Сахарова – мои знакомые называли его белоленточным и говорили, что всем пришедшим на него раздадут по тысяче рублей. О втором, начинавшемся рядом с метро Трубная, я знал совсем мало, но в нём собирался участвовать мой друг и сосед по съёмной квартире Андрей Вдовин, человек мрачный и суровый, а потому и митинг этот представлялся мне именно таким.

Всю прошлую неделю Андрей возвращался домой за полночь: после работы ходил на специальные занятия, где их учили маршировать и инструктировали, как себя вести. В политическое движение, организующее митинг, он вступил недавно; первое серьёзное мероприятие ждал с нетерпением, и не пропускал ни один день подготовки. Его девушка Катя, с которой они жили в соседней со мной комнате, была недовольна тем, что он каждый раз приходит домой так поздно, – сквозь тонкие стены московской хрущёвки доносились их крики и взаимные упрёки. Впрочем, на митинг меня звали оба: Андрей, чтобы приобщить к движению, а Катя, боясь остаться там наедине с чем-то непредсказуемым и опасным, всё сильнее затягивающим любимого к себе. Вчера мы договорились, что Андрей поедет на Трубную раньше – им нужно было провести генеральную репетицию, а мы с Катей подойдём к двенадцати часам, к самому началу.

Но, честно говоря, я в то утро не хотел никуда ехать и беспечно радовался свободному выходному дню. Я слышал, как за стеной проснулась Катя, как ходила она на кухню, как хлопнула там дверца холодильника. Я знал Катю давно и догадывался, что она сейчас злится, что Андрея нет дома: ей хотелось, чтобы, несмотря на все дурацкие договорённости, Андрей пропустил бы митинг, сделав ей сюрприз, на который она в тайне надеялась. И от этой несбывшейся наивной надежды ей было сейчас обидно. Понимая эти её мысли и чувства, я смотрел на часы и тревожно прислушивался к шагам за стеной, ожидая, что Катя всё-таки передумает идти, и я смогу с чистым сердцем тоже остаться дома.

Она вбежала ко мне в последний момент, растрёпанная, с пунцовыми от волнения щеками, ещё в домашней одежде, но уже принявшая окончательное решение, теперь владевшее ею целиком.

– Ты встал? Пойдём, пойдём скорее!

Когда она была так воодушевлена, с ней невозможно было спорить.

Через полчаса мы уже выходили из метро Трубная. В лицо ударил сильный ветер, и сначала не разобрать было, куда идти. Вдалеке, за аллеей, мы видели колонну людей в чёрных штанах и красных куртках, но вокруг всё было перегорожено. Катя попыталась пройти к колонне напрямик через прогал в железных ограждения, который перегораживало трое полицейских, но один из них махнул рукой вдоль улицы, – обходить там, поняли мы. Было странно, что нужно двигаться не к хвосту колонны, а вперёд, как бы обгоняя её, но мы не успевали думать и просто побежали. Люди, попадавшие на пути, шли вразнобой, не собираясь ни на какой митинг. У киоска с жареными сосисками стояло в очереди несколько человек. Женщина с двумя огромными пакетами грузно шагала навстречу. И только один сухенький старичок с

маленьким флажком у фонарного столба монотонно повторял вслух, но как бы ни к кому не обращаясь: «Молодцы, ребятки, за русский Крым... за русский Крым...»

Я видел, как торопится Катя, как она волнуется, оттого что остаётся уже мало времени до начала шествия. Но всякий раз, когда нам казалось, что вот именно здесь можно протиснуться и шагнуть на брусчатку, чтобы подождать оставшиеся позади шеренги, а потом влиться в них, на пути возникали те же люди в полицейской форме и так же махали рукой куда-то вдаль.

Наконец остановились на перекрёстке, до первых рядов было уже метров двести. Из-за железных ограждений, тянувшихся по всему предстоящему ей пути, колонна казалась огромной ящерицей, закованной в тонкую броню. Красно-чёрные люди в ней теснились плечом к плечу, и где-то там стоял и Андрей. Я знал, что это шествие очень важно для него, и он сильно переживает, чтобы сегодня всё прошло безошибочно, ведь в этот самый момент враг (он так часто произносил это слово – враг) обязательно наблюдает за их митингом с тревогой и ненавистью, и нельзя дать ему ни единого повода для радости. Наконец, мужчина в военной форме, маячивший во главе колонны, неразборчиво крикнул – и тогда двинулись, будто чья-то могучая ладонь толкнула их вперёд...

Сначала маршировали лихо, приближаясь к перекрёстку, а мостовая весело хлюпала под их ногами. Флаги в руках людей из первых рядов натягивались так, что на них уже можно было различить буквы, золотые на красном, но ещё нельзя было прочесть название политического движения. Наверное, всем этим людям хотелось идти быстрее, чтобы название это блеснуло в сером промозглом воздухе, чтобы его увидели все вокруг.

Приблизились, и стало заметно, что двигаются неуклюже, тягуче, то и дело разрывая строй. На перекрёстке колонна принялась перестраиваться, чтобы свернуть в узкий переулок на противоположной от нас стороне улицы. С места, где стояли мы, хорошо было видно, как тяжело даётся им это перестроение. Но вот закончили и неожиданно быстро вошли в переулок, где дома навалились на них с обеих сторон. Мы надеялись, что сейчас пройдут красные шеренги, и люди в полицейской форме откроют проход, чтобы мы и ещё несколько человек, стоявших на перекрёстке, смогли бы присоединиться к общему течению. Но тянулись лица, плакаты, транспаранты, а ограждения всё не убирали. На одном из балконов второго этажа висело большое шерстяное одеяло и раскачивалось на ветру, медленно и тревожно.

Время от времени Катя растерянно оглядывалась на меня, и я только сердился от собственного бессилия. И вот в этот момент неожиданная спасительная мысль пришла ко мне – я схватил Катю за рукав куртки и поспешно потащил вперёд, но совсем не туда, куда устремилась колонна. Я плохо разбирался в московских улицах, просто интуитивно догадывался, куда нужно идти, а Катя послушно шагала за мной. Иногда в маленьких переулках, пересекающих наш путь, мы как в длинную подзорную трубу могли видеть двигающихся по параллельной улице людей с флагами.

Вдруг оказались на краю огромной площади, окружённой домами, в которую в тот момент, как река, прорвавшая плотину, устремлялся поток митингующих. Первые ряды уже выплёркивались к подножью высокой деревянной сцены на дальнем краю площади, следующие подтягивались к ним. Нас тоже подхватило и понесло, а потом прибило людской волной к стене одного из высотных домов. Мы ещё толком не могли разобрать, куда нам нужно смотреть и что делать, как вдруг в стылом воздухе раздался хриплый голос: это был маленький человек в меховой шапке, стоявший на сцене у микрофона. Я взглянул на Катю и увидел её застывшее искажённое лицо – как же она ненавидела этот голос! Именно им говорили эти политические ролики, которые Андрей смотрел каждый вечер после работы, вместо того, чтобы посидеть с ней.

– Бандеровцы провозглашают на Украине новый фашизм, – выкрикивал человек в меховой шапке. – Насаждают его насильственно, репрессивно... Их куцый мозг мутит кровавое вино киевской преступной победы... победы над своим народом, победы над демократией... победы над исторической судьбой... Они рвутся в наш святой город, они рвутся и просачива-

ются в Москву. И потому здесь мы хотим сказать им... – он сделал паузу, так что пространство вокруг натянулось и стало слышно, как кто-то коротко кашлянул, где-то лязгнуло железное ограждение, ветер вздохнул во флагах. А потом сосредоточением всех этих яростных слов по площади пронеслось надрывное – в Москве майдану не бывать...

«В Москве майдану не бывать», – повторили за человеком в меховой шапке сотни людей. Сначала – неуверенно, стесняясь своих голосов, слишком разных и нестройных. Но уже в следующее мгновение перестали сдерживаться, почувствовав знакомый напор в хриплых словах, как волки чувят запах своей стаи, и тогда вся площадь закипела: «В Москве майдану не бывать... В Москве майдану не бывать...»

А потом всё смешалось – и нестройные голоса из толпы, и российские флаги, и чьи-то лица вокруг. Рядом с нами стоял мужчина в лёгкой куртке нараспашку, а на шее у него сидела маленькая девочка и без усталости размахивала зелёными резиновыми сапожками. Трое других мужчин рядом показывали пальцами на сцену и смеялись, наклоняясь друг к другу. Женщина в белом платке держала самодельный транспарант из картона: «Здравствуй, Севастополь». Мы попытались протиснуться мимо этих людей вперёд, туда, где стояли первые шеренги, но человеческое море поддавалось медленно – необходимо было поймать попутное течение, чтобы легко преодолеть несколько метров, а потом опять завязнуть. Но всё-таки желанные красночёрные ряды постепенно приближались к нам, и всё яснее слышались их резкие дружные выкрики, перекатывающиеся по площади, как эхо в огромном пустом зале.

Очередным спазмом толпы нас вытолкнуло прямо на железные ограждения где-то между четвёртой и пятой шеренгами, но ещё ближе к сцене пробраться было уже невозможно. Я видел, как Катя в смятении оглядывается, безуспешно пытаясь разглядеть Андрея. И вдруг мы одновременно увидели его. Он стоял рядом с высоким широкоплечим человеком, державшим флаг, всего лишь в нескольких метрах от нас, напряжённо глядя на того, кто выступал на сцене. Катя изо всех сил замахала ему ладошкой, но Андрей не заметил. И я понял, как обидно ей стало, оттого что вот она, столько преодолела, чтобы добраться сюда, а ему всё равно, и он совершенно не волнуется о ней. Тогда, проникнувшись общим ожесточением, Катя резко повернулась к человеку на сцене и встала прямо, не сводя с него горячий гневный взгляд. И от вспыхнувшей внутри ярости ей стало, наверно, даже легче: теперь она больше не чувствовала себя чужой здесь – она знала, кто этот человек, к чему он призывает, знала, как ей относиться к нему и ко всему, что происходит вокруг.

– Мы любим братскую Украину... Мы любим её всем сердцем, это наши братья, и мы обращаемся к ним: слушайте, – с особым наслаждением выговаривал каждый слог хриплый голос, – не верьте тем, кто говорит, что здесь царит ненависть к вам... мы любим вас как братья... – «Мы любим вас как братья, мы любим вас как братья», – как заклинание, повторяли стройные ряды.

– Выстроились, – вдруг произнёс гортанный голос откуда-то сзади.

– До первого коктейля Молотова, – усмехнулся другой.

Это говорили два молоденьких парня, один из которых держал в поднятой руке фотоаппарат и снимал митингующих. Катя порывисто обернулась – кинуться на них, расцарапать эти румяные молоденькие лица. И уже не понять было, против ли она человека в меховой шапке, или против этих парней, скорее, против всех людей на этой враждебной площади...

Было пасмурно, затянул мелкий противный дождь. Капельки падали на железный прут ограждения, разбиваясь, а Катя зачем-то всякий раз дотрагивалась пальцами до того места, куда попадала капля. Я подумал, что зря не надел шерстяные носки. А потом увидел, что и Катя замёрзла, и осторожно сказал ей: «Пойдём, посидим немного в кафешке, погреешься». Она кивнула, но потом добавила: «Давай ещё немного побудем...» Я вздохнул от этого её упрямства и продолжал переступать с ноги на ногу, стараясь прогнать стылый воздух из ботинок.

Иногда оратор уходил со сцены на несколько минут, и включали старые советские песни, в основном военные, как на демонстрациях из далёкого прошлого. И тогда во всём митинге появлялось что-то деловитое и праздничное. После этих песен даже новые оглушительные слова про нацистскую сволочь и победу русского мира звучали мягче, а в голосе человека в меховой шапке не было прежнего безумного ожесточения. И привычно и буднично отвечали ему из толпы. Я не мог согласиться с его резкими словами, но мне приятно было, что есть этот человек, и эти сомкнутые ряды, и было спокойнее, что среди всех этих людей, так грубо воспринимающих действительность, я могу чувствовать тонко, но в то же время быть защищённым.

Когда объявили, что митинг окончен, стройные ряды заколыхались взволнованно, словно нарушился внутренний порядок, словно они совсем не репетировали, как будут покидать площадь. И высокому крепкому военному, ходившему вдоль рядов, приходилось несколько раз выкрикивать так, что слышно было даже в толпе: «Флаги передаём направо».

– Ты иди домой, если хочешь, а я ещё подожду Андрея, – сказала мне Катя.

Я кивнул, опять почувствовав, что с ней сейчас бесполезно спорить. Двинулся сквозь толпу, всё ещё неподвижную, не желающую расходиться. А перед тем, как спустится в подземный переход, обернулся и не смог различить Катину фигурку посреди огромной площади.

Когда я оказался в переходе, то опять увидел вокруг множество людей, и мне даже показалось, что это всё те же люди, которые были сейчас на митинге, только теперь они уже не думают ни о России, ни об Украине, а просто торопятся по своим делам. Я вошёл в метро, и они вместе со мной – миновали турникеты, встали на эскалатор. Я ехал и вслушивался в разговоры, обрывочные фразы, пытаюсь понять, что же на самом деле волнует их, чего же они все хотят, но почти ничего разобрать не мог. Впечатление от митинга ещё теплилось во мне – но чем дальше я удалялся от площади, тем отчётливее ощущал, что этих последних часов, может, и не было вовсе, а чёрно-красные ряды, транспаранты, вдохновенный оратор на сцене по странной случайности привиделись мне в воображении.

2

Мы жили вчетвером в маленькой квартирке в Ховрино, снимая её почти даром у нашего общего знакомого, уехавшего на стажировку в Европу. В одной комнате – я и ещё один парень, а в другой Андрей с Катей. Они были не самыми удобными соседями, но я хорошо относился к ним, и особенно к Кате, так что всеми силами старался привыкнуть к их частым и громким ссорам.

Квартира была старая, в ней постоянно ломались то замок от двери, то кран в ванной; тоненькие дощечки выскакивали из паркета и, попадая под ноги, весело и шумно разлетались по коридору. На звук из комнаты стремительно вбегал Маркиз, Катин кот, и в упоении кидался на первого человека, которого видел. Если это была сама Катя, она тотчас же брала его на руки и принималась настойчиво гладить. Мы с Андреем обычно просто стряхивали кота на пол, а Рома, четвёртый сосед, ещё и тихо ругался при этом.

Я спокойно относился к неуютной обстановке квартиры. Мне нравилось, что балкон в нашей комнате не застеклён, а на его перилах часто собираются голуби, нравилось, что подоконники находятся на уровне колен, и потому можно стоять у окна, испытывая лёгкое головокружение от взгляда вниз. Но остальные, кажется, постоянно были чем-то недовольны. По вечерам, когда возвращались с работы, ходили усталые и мрачные. А Рома с Андреем вообще не разговаривали: они конфликтовали с первых же дней жизни здесь, но ни тот, ни другой не хотели съезжать, в основном из упрямства, а ещё оттого, что обоим было удобно добираться до работы.

Рома был мне понятнее – с ним мы вместе учились в институте и относились друг к другу с той крепкой мужской привязанностью, которой уже не нужны ни какие-то особенные

откровения, ни даже частые встречи. После института Рома два года жил у себя на родине в Житомире, и мы почти не общались в то время. А вот теперь, когда он вернулся работать в Москву, легко сошлись опять. Нам обоим было комфортно и просто вместе – мы легко разрешали любые противоречия, потому что оба не привыкли ни обижаться, ни отстаивать свои интересы в отношениях с близкими друзьями.

С Андреем было сложнее. Мы познакомились меньше года назад, а жили в одной квартире всего несколько месяцев. Я знал, что остальные наши друзья, и, конечно же, Рома, относятся к нему настороженно, и из-за этой его политической деятельности и потому что он был парнем Кати, которая с давних пор считалась душой нашей мужской компании. Но мне Андрей всегда был симпатичен. Мне нравились его твёрдость и принципиальность, и уязвимость слишком прямого человека, и даже та резкость, которая отталкивала многих. Он был для меня загадкой, которую хотелось разгадать.

В тот вечер после митинга у нас собирались гости – Катя хотела отпраздновать восьмое марта, потому что на прошлых выходных у неё не получилось. Квартира наполнилась движением, разговорами, смехом, а Маркиз, обезумевший от всеобщего оживления, носился по коридору из одной комнаты в другую. «Уу, куда пошёл», – грубо хватал его один из гостей, Борис, коренастый спортивный парень, наш давний друг. «Не пугайте Маркиза!» – тут же пронзительно кричала Катя из кухни, а мы с Ромой только смеялись над тем, как кот неловко пытается вырваться из Бориных крепких рук.

На кухне сидели подружки Кати по университету и с весёлым любопытством наблюдали, как она печёт свои любимые блинчики с кленовым сиропом. Обычно Катя почти не готовила, они с Андреем питались полуфабрикатами, но сегодня атмосфера праздника вдохновляла её – она бралась за всё: за блинчики, за яблочный пирог, за итальянскую пасту. И только когда неловко принялась разделять мёрзлый кусок говядины, всё норотивший выскользнуть из рук, Андрей, до того стоявший посреди кухни, не зная, чем себя занять, решительно отстранил её от стола.

– Так, с мясом я сам... мясо женской руки не любит, – и Катя с радостью отступила.

– Ну, как у вас дела? – настойчиво расспрашивала она подруг, а когда те смущённо пожимали плечами, начинала рассказывать сама. Ей ужасно хотелось весёлого интересного разговора, неожиданных новостей, ярких впечатлений.

– А мы вчера с Андреем ходили в церковь на службу, – вспомнила она.

– Ну, вообще-то не на службу, – спокойно возразил Андрей, – а чтобы раздать анкеты.

– Да, но мы ещё не знаем, будут ли их распространять! Нужно ещё прийти через неделю, вдруг священник не даст благословение...

Подруги не совсем понимали, что за анкеты и зачем их раздавать в церкви, и тогда Андрей принимался обстоятельно объяснять им:

– Я сейчас расскажу. Люди из нашего движения разработали специальные анкеты. Скажем так, в них содержатся все важные вопросы, например, отношение к ювенальной юстиции и к Украине. И теперь важно охватить этим опросом больше людей. Мы отнесли анкеты в церковь, но там нам сказали, что не могут раздавать, пока их не утвердит священник...

– Да, а ещё мы были на исповеди, – заторопилась Катя. – И Андрей тоже!

Андрей сжал губы и недовольно откашлялся.

– Скажем так, – поспешил он поправить Катю, – я не то чтобы исповедовался, я просто говорил со священником. По поводу отношения церкви к сегодняшней политической ситуации... – было видно, что они уже много раз обсуждали это, но так и не пришли к согласию, и теперь каждому хотелось показать своё.

Я стоял в дверях, прислонившись к косяку, и улыбался, глядя на них. Мне была приятна эта обстановка праздничных приготовлений: шкварканье масла на сковороде, улыбки подруг,

Катина наивная решимость привести Андрея в церковь. Подруги поспешили перевести разговор, а я, взяв в обе руки по большой салатнице, пошёл в свою комнату.

– Но ты же не будешь спорить, что это майдан начал первым? – услышал я ещё в коридоре бодрый голос Бориса.

– Да, первым, – ответили ему глухо и медленно. – Но сменить власть одно, это в каждой стране бывает. А сепаратизм – недопустимо...

В нашей комнате Борис и Рома раскладывали мой письменный стол. Рома сидел под ним и тщетно пытался пододвинуть его непослушную ножку, а Борис стоял рядом, поддерживая крышку. Я остановился, балансируя с двумя тяжёлыми салатницами в руках, ожидая, когда они закончат.

– Не скажи! – тем временем не сдавался Борис. – И то, и другое нарушение вашего закона, и тут кто начал первым, тот виноват.

– Я вообще-то был доволен, когда майдан победил. Надо было просто смириться и всё бы закончилось...

– Ну, Рома, а работать ты ведь в Россию приехал, – наконец, смог я поставить салаты и выложил тот аргумент, который давно хотел привести ему, но всё не представлялось подходящего случая.

– Я приехал, потому что здесь больше перспектив, чем в Житомире, – ответил тот, вылезая из-под крышки стола.

Он недовольно взглянул на меня, и я понял почему. Дело было совсем не в событиях на Украине – об этом мы уже давно переговаривали, проблема была в соседях и в этом внезапном праздновании. Наверное, он был прав, и надо было садиться в комнате Кати и Андрея, но у нас было просторнее, и я вчера дал согласие Кате, не спросив его.

Тем временем из кухни послышался смех, и я поспешил туда за новыми блюдами и тарелками...

Гости рассаживались осторожно, опасаясь сразу шагнуть вглубь нашей комнаты. Сначала ещё открывали вино, накладывали салаты по тарелкам и старались шутить по любому поводу. Одна из подруг Кати, рыжеволосая Мила с готовностью улыбалась каждой шутке, а маленькая серьёзная Соня коротко и весомо хвалила рецепты блюд. Но потом чокнулись, пригубили и принялись за еду, и тогда на самом деле стало тихо и неловко.

Проскользнул в комнату Маркиз, выгибаясь всем телом, стараясь показать себя во всей красе. Андрей взял его на руки.

– Смотрите, как потолстел, – воскликнула Соня.

– Не потолстел, а немножко поправился, – вступилась за кота Катя. И опять все слишком оживлённо заговорили о Маркизе, чтобы скрыть натянутость.

Я смотрел на знакомые лица, и мне вспоминались те давние времена, когда мы с Ромой и Борисом ещё учились в институте, а Катя была первокурсницей. Она тогда часто приходила к нам в комнату, и мы с Борисом оба были влюблены в неё. И теперь собрание за одним столом старых друзей должно было вернуть нам обаяние прошлых дней, беззаботных вечерних посиделок за чаем или вином в общезитии, и сам я подсознательно ждал этого, но чуда возвращения в прошлое не происходило.

– А мы сегодня ходили на митинг, – вспомнила вдруг Катя. – Было очень интересно!

Я удивлённо взглянул на неё но потом понял – сегодня они первый раз праздновали вместе с Андреем в нашей компании, и Кате важно было, чтобы всё прошло благополучно, и завязался бы общий разговор, интересный и нам, и Андрею, пусть даже и о политике.

– Что за митинг? – любопытствовал Борис. – За всё хорошее, против всего плохого?

– За завтрашний референдум в Крыму, – недовольно вставил Андрей. Наверное, он не очень хотел рассказывать о митинге, боясь, что все воспримут важные вещи слишком беззаботно.

– А что вы думаете о событиях в Крыму? – с уважением спросила Андрея Софья, отчего-то на «вы». – Как пройдёт референдум?

– Я не социолог, – нехотя возразил он, – но скажем так, я уверен, что результаты будут однозначные.

– Кстати, представляете, – вмешалась вдруг Мила, немного запинаясь от желания тоже сказать что-то, – по телевизору, не помню, по какому каналу, передавали прогноз погоды, а после Москвы стали объявлять в Севастополе, Донецке и Харькове... Представляете, – она покраснела от волнения. Вообще-то мы с Борисом и Ромой хорошо её знали, она раньше часто приходила к нам с Катей, но всякий раз так сильно смущалась, как если бы видела нас впервые.

Все засмеялись, и даже Андрей воодушевился, получая в этом общем веселье поддержку себе и своим взглядам.

– Неужели? Ты не перепутала? – недоверчиво переспросил он. – Ну, это добрый знак. Пора показать этим бандеровцам нашу силу! – и вдруг сам смутился своей серьёзности и открытости перед гостями.

Рома же смотрел лукаво, как на добрых детей, которые хоть и милы в своей радости, но всё-таки не могут быть восприняты всерьёз умными людьми.

– А ты как относишься ко всем событиям? Ты ведь с Украины? Тебя не оскорбляет, что мы все так смеёмся? – предупредительно обратилась к нему Соня.

– Меня так просто не оскорбить, – ответил он ей, дескать на таких фанатиков, как Андрей, не обижаюсь.

– Если вам интересно, могу рассказать, как я ездил недавно в Васильевское, – взволновано продолжал Андрей, не обращая внимания на Рому, но напряжённо вглядываясь в остальных, стараясь понять, точно ли кому-то интересно, стоит ли продолжать.

– Что за Васильевское? – спасла положение Соня, и Андрей раскашлялся, готовясь начать.

– Дело в том, что наш лидер Сергей Владленович Кургузов несколько лет назад купил деревообрабатывающий завод и обустроил его силами нашего движения. И теперь два раза в год там проходят наши школы. Политическое обучение. Но в этот раз у нас был в основном спорт и стрельбы.

– Стрельбы? – переспросил Борис усмехаясь.

– Да, – ответил Андрей, замечая иронию, но не понимая, что она относится к нему лично. – Скажем так, в наше время нужно быть готовыми ко всему. Ты же понимаешь, какая сложная сейчас ситуация...

В это время Рома, шутливо пожимая плечами, кивнул Соне, дескать, видишь, что за разговорчики, невозможно их слушать, и стал осторожно выбираться из-за стола. Мила неловко поднялась, чтобы пропустить его.

– Следующая цель бандеровцев – Россия, – тем временем, продолжал Андрей, он не глядел на Рому прямо, но я понимал, что именно из-за него он так раздражается – ему так хотелось сказать что-нибудь резкое, пока Рома ещё здесь. – В Киеве они только тренировались, теперь они готовятся прийти в Москву... Нам нужно научиться противостоять этому зверю, это уже не люди, а зомби!

Все молчали, отводя глаза, а я напряжённо смотрел на Андрея, и мне было почему-то жаль его. Он был совершенно инороден нашей компании, такой нескладный в своём стремлении всех наставить на путь истинный.

– В общем, если вам интересно, то приходите на собрание нашей ячейки, – выдохнул Андрей, постепенно остывая. – Они проходят каждую неделю по средам. Я скажу вам точный адрес, если хотите.

– Вряд ли, конечно, но спасибо за приглашение, – усмехнулся Борис, а Катя обожгла его взглядом.

– Давайте горячее, – заторопилась она. – Там у нас итальянская паста.

– Что же вы сделали с нашей Катенькой, она уже и готовит, – засмеялся Борис.

– Всегда готовила!

За столом началось движение, перекладывали еду, спешно доедали салаты. Катя стала собирать тарелки.

– Не надо, не надо, – остановила её Соня, – давай прямо сюда.

Катя приветливо улыбнулась ей – кажется, она была благодарна подруге и за её незаметную хозяйственность, и за то, что она поддерживала Андрея.

– Я принесу, – торопливо вмешался я в общую суматоху и вышел в коридор.

На кухне было свежо и тихо, и только негромко сопел электрический чайник. На столе лежали оставленные в спешке чашки, тёрка, деревянная доска, ножи, а у плиты в кастрюле лежал так и не приготовленный, и забытый в суматохе кусок оттаявшего мяса. Рома сидел за столом, глядя в открытую форточку. Услышав мои шаги, он повернулся и коротко кивнул. Я присел рядом, оглядываясь, а потом принялся осторожно отщипывать коротенькие соломки сыра, оставшиеся на тёрке. Было слышно, как в нашей комнате, понижая голос, говорит Соня:

– Кажется, Рома всё-таки обиделся.

– Прямо сильно? – громко переспрашивала Катя, а потом расстроено вздохнула: – Это я во всём виновата... Не надо было говорить про митинг.

– А мне всё равно, пусть слышит! – донёсся голос Андрея. – Им, украинцам, промыла мозг их пропаганда, ему полезно услышать правду.

– Андрей, тише, тише... – заторопилась Катя.

Мы с Ромой встретились глазами и едва заметно улыбнулись друг другу.

– Не надо было изначально заселяться с ними – не испортились бы отношения, – сказал Рома, но была в этих словах и едва заметная беззаботность.

– Думаешь съезжать? – осторожно спросил я.

– Ни за что. Теперь уже из принципа, – ответил он, и мы оба негромко засмеялись.

Зашла Мила и остановилась на пороге.

– Прячетесь от грома? – спросила осторожно.

Рома приветливо кивнул ей.

– Не прячемся, а выжидаем... Ладно, не очень себя чувствую. Пойду, пройдуся.

Мила с тревогой взглянула на него, но ничего не сказала.

Дождались у порога, пока Рома обуется, старались не шуметь, чтобы нас не услышали в комнате. А когда он ушёл, ещё с минуту неловко перетаптывались у порога. Я подумал, что всё это очень грустно, но постарался как ни в чём ни бывало спросить у Милы:

– Ну что, давай принесём пасту? – и она поспешно кивнула мне.

Когда мы вернулись в комнату, там опять было громко и напряжённо. Андрей раздавал всем по несколько листов длинной политической анкеты – у него было задание от ячейки опросить с помощью неё как можно большее количество человек, и он, видимо, решил использовать подходящий момент.

– Я не буду ничего заполнять, – капризно ворчал Борис, – сколько там вопросов? Сорок? Это вообще-то серьёзная работа, а работа должна оплачиваться.

– Не хочешь, не заполняй. Никто тебя не заставляет! – с обидой отвечала ему Катя.

– Да нет уж, давайте... интересно, что там у вас, – Борис мгновенно оттаял и принялся листать страницы анкеты, но не никак не мог успокоиться: – Какие лукавые вопросы, а вдруг меня потом найдут и скажут, что у меня непатриотические убеждения?

– А ты правильно ответь, – в тон ему пошутила Соня.

Все опять оживились: Борис засмеялся, Андрей стал возражать ему, а Катя снова заволновалась, и только Мила грустно держала в руках только что выданные ей листы, думая о чём-то своём.

– Ну, подожди, – увлечённо продолжал доказывать Борис – кажется, он ни в чём не хотел сегодня соглашаться с Андреем и постоянно пытался поддеть, – вот ты говоришь, что не любишь все эти иностранные государства и так далее...

– Я не говорил так, – возражал ему Андрей. – Я не люблю, когда иностранные государства суют нос в наши дела, устраивают майданы и оболванивают население...

– Ну да, ну да, – поспешно соглашался тот, как бы показывая, что он это и имел в виду. – Но вот, например, Плахотный... Он сейчас живёт в Европе, и он наверняка против Путина и за украинцев, а вы пользуетесь его квартирой и почти не платите за неё, разве это правильно? Это разве не нарушает какие-то ваши принципы?

– Я не знал этого, – с вызовом ответил ему Андрей и на несколько секунд остановился, пытаясь понять, как реагировать на эти слова.

– Борис, что за глупости, – вмешалась Катя. – Всё это не важно, да ведь? – повернулась она к Андрею, ещё даже не веря, что эти шутки могут быть восприняты им серьёзно. – Мало ли что думает этот Плахотный!

Но Андрей всё ещё молчал, напряжённо глядя на Бориса.

– Ну ведь мы не будем из-за этого ничего менять, – продолжала Катя, уже действительно пугаясь и не желая даже произнести это нелепое «съезжать». А видя, что Андрей по-прежнему напрягает скулы, ужасно расстроилась и уже не могла взять себя в руки.

– Володя, ну ты-то почему молчишь? – бросилась она ко мне. – Скажи, это правда, что Плахотный против России?

– Да кто его знает, – выговорил я растерянно. – Вроде бы он всегда ругал американцев, – вдруг вспомнил я, и она сразу же обрадовалась этому удачному воспоминанию.

– Правда? Андрей, Андрей, ты слышишь!

– Ладно, хватит лясы точить, – решительно оборвал разговор Андрей, подавлено вздохнул и принялся убирать тарелки со стола.

– Борис дурак, я ему этого никогда не прощу, – тихо выговорила мне Катя, пока никто не слышал.

Я пожал плечами, пытаюсь показать, что и сам не знаю, что это на него нашло.

– Да, атмосфера тут тяжелая... Пойду покурю, пока меня не репрессировали, – тем временем засмеялся Борис и подмигнул мне: – Пойдём, тоже.

Андрей продолжал настойчиво убираться, а Катя принялась помогать ему. Соня с нарочитой сердитостью оглядела всех, будто желая сказать – ну что вы, как дети малые, помирились бы лучше. Я всё ещё держал неуместную теперь кастрюлю с пастой в руках, не зная, куда её девать, и наконец, поставил на краешек стола.

Мы с Борисом вышли в подъезд, поднялись по лестнице на один пролёт и остановились у закопчённого окошка. Если бы это происходило года три-четыре назад, я мог бы подумать, что он злится на то, что у Кати появился парень, ведь когда-то давно она отвергла его ухаживания, но сейчас это казалось совершенно нелепым. Также я понимал, что Борис в общем-то согласен с убеждениями Андрея, ведь спорил же он всего час назад с Ромой по этому поводу, а значит дело было именно в самом Андрее.

– Будешь? – спросил Борис с улыбкой, открывая пачку, хотя знал, что я не курю.

Но я зачем-то всё-таки взял сигарету и стал машинально вертеть её в руках, так что постепенно распотрошил, а потом просто тёр между пальцами ошмётки табака, напоминавшие деревенское сено.

– Слушай, что же такое происходит с нашей Катенькой? – заговорил он тем же шутливым тоном. – И где она вообще нашла этого, из ячейки...

Я поморщился от резкости его слов и только пожал плечами, стряхивая с пальцев табак.

– На самом деле, я давно уже заметил изменения в её характере, и не в лучшую сторону, – продолжал он поспешно. – В последний раз, когда мы с ней общались, ее какие-то непонятные мысли о будущем мира донимали, и, помню, я очень удивился тогда... Понятно, что это Андрей на неё так влияет, но не знал, что настолько.

– Ты пойми, мне тоже не безразлично будущее мира, – он остановился, чтобы сделать несколько коротких затяжек, и я вдруг подумал, что так отрывисто дышат собаки, – и я тоже не в восторге от этой ерунды, которая происходит у нас сейчас. Но у меня по этому поводу свои мысли, а у нее это явно навязано. Ты знаешь, что она собирается ехать в какую-то «осеннюю школу», видимо, как раз на тот их завод, где стрельбы. А ведь там ей могут окончательно обработать мозг. Может, пора нам спасать нашу Катеньку?

Он говорил это ехидно, так что мне стало обидно за Катю. Я сказал, что ещё не был в их организации, и потому не могу ответить ему точно, но думаю, что это Андрей хочет ходить в ячейку, а Катя наоборот, пытается вытащить его оттуда. Но всё равно я уверен, что это не секта.

– Хорошо, если так, – ответил Борис недоверчиво, – просто самые опасные секты как раз-таки не те, где сразу видно, а те, по которым, вроде так и не скажешь – правильные вещи говорят, это вы дураки не понимаете... Конечно, я не думаю, что Катя в секте, – торопливо оговорился он, – но и не считаю, что всё это пойдет ей на пользу.

Борис закончил курить и старательно тушил сигарету о пыльный подоконник, а я вдруг так разозлился на него: неужели он думает, что я живу рядом и не вижу всего этого, и не могу позаботиться о Кате, или может, считает, что он больше меня переживает за неё...

– Ладно, я присмотрю за ней, – сказал я то, что он хотел услышать, и это вышло пафосно, как в плохих сериалах по Первому каналу. Но Борис, кажется, остался доволен, и мы медленно вернулись в квартиру.

3

Вечером, когда гости разошлись, мы с Ромой сидели в своей комнате. После недавнего разговора с Борисом на лестничном пролёте мне вспоминались наши институтские годы в общежитии. Серые стены, прожжённые окурками, тарелки с прилипшей гречкой, книги на полу и Катя-первокурсница, зашедшая к нам, – она не обращает внимания на беспорядок, ей нравится, что она красивая молодая девушка и с её появлением у нас, старших ребят, сразу завязывается разговор, все поднимаются со своих мест. Она любит тащить нас куда-то в Москву – чтобы было веселее и интереснее, и больше людей, и больше шума и радости. И вот мы выходим на улицу, а она идёт чуть впереди, торопясь, запрокидывая голову, и в эти мгновения, как сама потом рассказывает, чувствует, что настоящая жизнь течёт сквозь неё... А теперь в соседней комнате они ссорились с Андреем, не закрывая двери, и их голоса – Катин резкий и взвинченный – и глухой и отрывистый Андрея – врывались к нам и звучали так раздражающе отчётливо, что нельзя было не вслушиваться в них.

Вдруг Рома резко встал, шагнул в коридор и громко хлопнул их дверь. А когда вернулся, надел наушники и напряжённо принялся глядеть в экран. «Ну чего он злится, – подумал я, – понятно, что Андрей задел его, но Андрей же как ребёнок...» Я любил Рому таким, как сегодня на кухне, лукавым и насмешливым, а это неожиданное ожесточение было мне неприятно.

Я взял свой ноутбук и прошёл на кухню. В темноте виднелись только обступающие меня тени шкафов, а впереди – окно, в котором отражался край пустынной улицы: мостовая в крупных каменных плитах, трамвайные рельсы, описывающие круг, в центре которого – одинокий фонарь. На другой стороне улицы теснились пятиэтажки. Людей не было. Отчётливо слышались Катин всхлипы из соседней комнаты.

Не включая света, я сел за стол и открыл ноутбук. На сайте движения была выложена трансляция митинга, я запустил её, и опять потянулись передо мной стройные ряды в красных куртках, и серое мартовское небо, и площадь, заполненная людьми, и человек в меховой шапке, выкрикивающий резкие слова. Сначала я тщетно пытался увидеть на экране нас с Катей, и только однажды, кажется, разобрал её шапку с хохолком в толпе – Андрея же показывали несколько раз, он всегда стоял решительно и прямо, ему бы понравилось. Но постепенно я втянулся: там, на площади, почти не слушал выступавшего, только обрывки речи, а теперь мог понять, что он говорит – и про Крым, и про Киевский майдан, и про Россию. В его словах была одна, повторяющаяся мысль, что теперь всё изменилось, что началась война, в которой можно только победить или умереть. И живое ожесточение этих слов действовало на меня сейчас гораздо сильнее, чем утром. Да и сам митинг казался другим: никто не переминался с ноги на ногу, никто не отвлекался на постороннее, а все были едины с этим человеком и его хриплым голосом. Я досмотрел трансляцию, а потом долго ещё сидел в темноте и думал, что утром на площади было столько разных людей, их голосов, их мыслей и переживаний, а теперь всего этого нет, исчезло из мира навсегда, а остался только ролик, на котором всё просто и грубо. И от этой безвозвратной утраты мне было грустно.

Но чем дольше я сидел в тишине, тем сильнее охватывало меня другое, более сильное чувство, как если бы что-то плохое случилось с кем-то из моих близких. Будто действительно человек в меховой шапке был прав, и приближалось страшное, может, начало большой войны, которая перевернёт всю привычную размеренную жизнь – и уже не только в далёкой Украине, а прямо здесь, у нас. И будто даже Катя плакала в соседней комнате как раз из-за этой грядущей войны. Я подумал о стране, наверное, я любил её, но не понимал до конца, что же это на самом деле значит. Будет война, пойду на фронт, беззаботно сказал я себе, но всё это показалось смешным и странным – разве мог быть какой-то фронт, какая-то война... За окном всё так же горели фонари. Улица замерла, как на старой открытке.

Не знаю, сколько времени прошло. Рядом вздрогнул холодильник и мерно загудел в темноте. Я сидел на корточках, опираясь спиной на косяк, вслушиваясь в это гудение. В это время где-то позади раздался шорох. Я резко обернулся и увидел силуэт Кати в проёме двери, вскочил и торопливо включил свет.

– Андрей заснул, – потеряно сказала она. – Представляешь, мы ругались, потом я плакала, а потом смотрю – он просто заснул...

Я вздохнул.

– Из-за чего ругались-то?

Катя поджала губы и на мгновение нахмурилась, как бы стараясь вспомнить.

– Ну, он говорил, что ему нужно ещё почитать статьи, посмотреть фильм к следующему собранию... потому что мы и так сегодня весь вечер потратили на гостей. А я ему говорю, я это понимаю, – она оживилась, начиная доказывать это уже Андрею, а не мне, – я тоже устала от людей, и так хочется побыть вдвоём. А он этого не чувствует, ему важнее читать свои статьи.

Я понимающе кивнул – да, всё ясно, сел на стул и изредка поглядывал на неё. Катя подошла, рассеянно взяла стакан, налила воды, но не стала пить, а просто перекладывала его из одной руки в другую. Она всё ещё была в красном платье, которое надела на праздник, и это так неестественно выглядело среди выцветших обоев и грязной посуды.

– Спрашивается, кто важнее ему – я или эта ячейка... Почему ему больше нравится заниматься всякими политическими делами, чем быть со мной? Но ведь так не должно быть. Я думала, что скоро мы поженимся, что у нас будет венчание, а он получается, не уверен, нужна ли я ему.

– У него же это не от неуверенности, – попытался я успокоить её, – просто мужчины должны думать о судьбе страны, а женщины быть рядом.

– Это ужасно, если только женщины должны думать о семье. А мужчины, получается, могут вообще не любить? – спросила она тихо.

Мне нечего было ответить. Я знал, как Катя мечтает о хорошей и правильной жизни, которая наступит, когда они повенчаются, и боялся разочаровать её в этом. Конечно, ей по-девичьи хотелось замуж, и в то же время обидно было, что они уже больше года встречаются и полгода живут вместе, а Андрей так и не делает предложения. Ещё я знал, что она относится ко мне как к очень близкому другу, ещё с тех институтских времён, и сейчас ждёт от меня каких-то важных и крепких слов о том, как поступить. Но что я мог сказать ей? С одной стороны, Андрей, наверно, был хорошим человеком – мне нравилось то, как он страстно пытается различить добро и зло, и только не совсем то считает добром, и не совсем то злом; нравилось, что он готов взять на себя ответственность за целый мир и в том числе за Катю – я не мог ожидать, что он предаст её, беззаботно поиграет и бросит. Но с другой стороны Борис, конечно, был прав – совсем не такого человека хотели мы видеть рядом с нашей Катенькой. И меня часто пугали его налитые ненавистью, ничего не видящие глаза в те моменты, когда Андрей говорил о каких-нибудь либералах или других врагах, и страшно было подумать, до чего же он может дойти в своём ожесточении...

– Он предлагает: вот, у нас с тобой ничего не получается, может нам разойтись? – продолжала Катя задумчиво. – Но я ведь точно знаю, что у нас всё хорошо, он просто не понимает! Хотя я сама виновата, я часто знаю, что нужно сказать, чтобы мы помирились, но как нарочно говорю по-другому, провоцирую его. Знаешь, мне просто подсознательно кажется, что если это на самом деле мой человек, то он поступит так, как нужно...

– Ой, слушай, я же тебе так и не рассказала, как мы ходили в церковь! – воскликнула вдруг. – Мы же отнесли анкеты, но потом договорились даже постоять на службе и подойти к священнику, и представляешь, там такое было...

Мне всегда нравилась в Кате эта способность – вот так вот беззаботно увлекаться, поддаваясь неожиданным чувствам, будто бы и не было тех сложностей, которые мучили её минуту назад.

– Пока мы ещё в очереди стояли, он мне говорит – я не хочу исповедоваться. Я говорю – но ведь мы договорились. А он – давай я просто подойду, но исповедоваться не буду. Я говорю – ладно. А очередь там была огромная, и священник так быстро всех отпускал, а бумажки сразу разрывал. А Андрей подошёл и стоит, долго так стоит... Я сначала рядом была, пыталась подслушать, а потом отошла, а они всё говорят и говорят. Я уже испугалась, и оказалось – не зря! Представляешь, он начал с ним спорить, сказал, что он атеист и ни вот что не верит, и вообще он любит Сталина и хочет, чтобы в России не было капитализма...

Я не выдержал и рассмеялся.

– Прямо так и сказал?

– Так и сказал... А священник естественно ответил ему, что коммунисты закрывали церкви и убили царя... А Андрей давай ему доказывать, что убили по ошибке и что Ленин был против... Ты не знаешь, кстати, как на самом деле?

– Не знаю, – пожал я плечами.

– Ну вот, в общем, я даже не могу понять, хорошо ли, что они вот так поговорили... С одной стороны – это ужас, конечно! А с другой – Андрей первый раз хотя бы услышал чужое мнение, мне кажется, это важно...

Я неопределённо покачал головой, и мы на некоторое время замолчали. Приоткрыв дверь лапой, вошёл Маркиз. Катя сразу же потянулась к нему, прижала к себе, но тот стал вырываться – ему не нравилось на руках. А когда она отпустила его, сразу же расправился, потянулся, запрыгнул на подоконник и принялся настойчиво вылизывать себя после Катиних рук.

– Да, как всё сложно... другие вот пары ссорятся, потому что парень ходит на сторону или... мало зарабатывает, например, – постарался я развеселить её. – А у вас проблемы такие... солидные, – подобрал, наконец, нужное слово и опять осторожно улыбнулся.

– Тебе смешно, – ответила Катя горько, но сразу же и сама тихонько засмеялась. А потом, опять подумав о чём-то плохом, посерьёзна и нахмурилась.

– Да я понимаю, что всё это выглядит... как шутка. Но это всё совсем не шутка! Знаешь, он приехал из Васильевского такой ожесточённый, и я переживаю, что им там наговорили, как их настраивали на все эти последние события. Мне кажется, их специально зомбируют, делают из них пушечное мясо... Я очень боюсь, что их готовят ехать на Украину, – сказала, понижая голос, будто если громко произнести это, оно может вдруг стать правдой.

Я хотел было возразить ей, но в это время Катя загорелась новой идеей:

– Слушай, тебе надо обязательно сходить к ним на собрания, посмотреть, – проговорила она торопливо. – Просто я там уже ничего не понимаю, а ты сможешь сказать точно ...

– Да, я тоже об этом подумал сейчас, – соврал я, чтобы поддержать её.

Мы опять замолчали.

– А ведь это неправда, что он такой, – задумчиво заговорила Катя, опять погружаясь в свои мысли и как бы не замечая ни меня, ни подкравшегося к ней по подоконнику Маркиза. – Он мне говорил, что чувствует – какая-то высшая сила есть, но пока не может понять, что это за сила... Значит, в глубине души он человек верующий.

«Только вот во что верующий?» – хотел было сказать я, но вовремя сдержался.

А когда Катя ушла спать, ещё несколько минут сидел на кухне, не двигаясь. За окном лежала та же пустая улица, тяжело звякнул запоздалый трамвай. Маркиз сидел, заворуженно наблюдая за ним.

Я пытался прислушаться к себе, есть ли внутри та тоска, которая появилась после просмотра трансляции, но она вроде бы улеглась, осталось только лёгкое чувство грусти после разговора. Я поднялся и принялся мыть посуду – в понятной размерности домашних дел всё становилось проще.

4

Что я знал о ячейке, к которой принадлежал Андрей, – да почти ничего. Она представлялась мне местом тёмным и загадочным. Я знал, что это отделение какой-то политической организации, которая пропагандирует возврат в СССР, что там довольно жёсткая дисциплина и каждый, кто состоит в ней, должен обязательно читать их книги и газеты и смотреть специальные ролики. Ещё я знал, что каждую неделю они проводят собрания, на которые Андрей иногда берёт Катю и после которых та всякий раз возвращается домой подавленная. Меня Андрей тоже звал туда, и я уже обещал ему, что схожу, но всё никак не мог решиться, каждый раз откладывая на следующую неделю. Конечно, меня привлекала таинственность их собраний, но и пугала серьёзность, с которой Андрей упоминал о них. Впрочем, на следующей неделе после митинга я всё-таки собрался на их мероприятие всерьёз, и не только из желания помочь Кате, но и просто из любопытства.

Собрания ячейки проходили по средам в Коптево. В тот вечер я нарочно задержался на работе, чтобы вместо запланированных трёх часов отсидеть там только последний час, а перед Андреем оправдаться неотложными делами. Впрочем, опоздал ещё сильнее, потому что долго искал нужный корпус – район был странный, дороги преграждали заборы и гаражи, дома стояли вразнобой, и только, позванивая, переваливались по мощённой мостовой пустые неуклюжие трамваи, и некого было спросить. Наконец, я разобрался, что нужно было войти в узкую арку рядом с детской площадкой, мимо которой я проходил до этого уже несколько раз. В тесном дворе повернул за шлагбаум к маленькому дому, втиснувшись между двумя каменными стенами, в котором таинственно горели три окна на втором этаже, а в них двигались

узкие вытянутые тени. В неожиданно тёплом и просторном фойе оказалось окошко гардероба, в котором появилась навстречу усталая женщина и привычно протянула номерок. На одном из стендов, сгрудившихся у входа, я увидел афишу сегодняшнего вечера и удивился, что это не какое-то закрытое мероприятие и о нём может узнать даже посторонний человек, вот так вот просто зайдя сюда. Поднялся по крутой лестнице с массивными деревянными ступенями и приоткрыл единственную дверь на пролёте, из-за которой доносился резкий отрывистый голос – и в ту же секунду пожалел, что всё-таки решился прийти, да ещё и так нелепо, с таким опозданием, но бежать уже было поздно...

Я стоял на пороге небольшой вытянутой комнаты, похожей на аудиторию в институте. У стены с противоположной стороны стоял молодой парень с крупной георгиевской ленточкой в лацкане голубого пиджака, а остальные сидели перед ним в несколько рядов. Парень ненадолго остановился и на правах хозяина кивнул мне, а потом некоторое время ещё ждал, пока я размещусь. С краю находился свободный стул, один человек принялся суетливо убирать с него вещи, ещё двое с шумом двинулись, чтобы я влез в узкое пространство между крайним стулом и стеной. Казалось, все смотрят на меня. Я сел, неловко озираясь, и увидел Андрея, который сразу же кивнул мне мягко, одобряя, что я всё-таки пришёл. Рядом с ним я заметил Катю – она была бледная и напряжённая, погружённая в себя.

– Итак, всё определяется через такие категории, как первое – честь, второе – поступок, – тем временем начал молодой парень в пиджаке размеренно и даже немного небрежно. – В 90-ые годы как раз и понизилась планка и повылезала из углов всякая шваль, не способная ни хранить честь, не совершить поступок...

В первом ряду, неловко привстав со своего места, согнулся, как перед прыжком, пожилой человек с густыми белыми волосами – кажется, он был разгорячён, и руки его дрожали.

– Что вы понимаете... о чём вы говорите... – с досадой перебил он молодого парня, морщась, будто его слова доставляли физическую боль. – Вы понимаете, что под видом десталинизации они собираются провести очередную перестройку... Вы понимаете, что для них всё ненавистно – и советская история, и вся наша культурная матрица... Они всё это хотят разрушить. Двадцать пять лет они мучали страну и не сделали ничего. И теперь они думали, мы опять проглотим десоветизацию... они не ожидали, что гражданское общество начнёт сопротивляться, да и то это весьма слабое сопротивление...

– Сергей Владленович говорит – враг не ожидал, что мы пойдём красными колоннами! – поспешил вставить парень, чувствуя, как инициатива уходит от него. – Теперь враг замер.

– Вы принимаете желаемое за действительное... вы не понимаете... – ответил ему старик, стараясь говорить строго, но всё равно сбился в концовке и оттого ещё сильнее разгорячился.

– Это не я, а Сергей Владленович, – довольно усмехнулся парень..

Все эти слова разом нахлынули на меня, так что я так и не смог толком разобраться, о чём же именно спорят эти люди. В тот момент рядом со мной встал ещё один молодой человек и заговорил о чём-то уж совсем непонятном, ему ответили с другой стороны стола. И отовсюду слышалось «Сергей Владленович говорил...», «а вот Сергей Владленович...» – имя это обладало магической силой. Я взглянул на Катю: она сидела, по-заячьи вжав голову в плечи, и я подумал, сколько же раз она приходила сюда в надежде зацепиться за то, что позволило бы ей разгадать тайну этого места и наконец-то увести Андрея отсюда. И тогда мгновенно успокоился, и скованность моя вдруг пропала: я стал жадно вглядываться в этих людей, но не чтобы понять их слова, а чтобы понять их самих. И теперь мне уже стало жаль, что я здесь всего лишь на полчаса. Стоило лишь несколько фраз услышать от каждого, чтобы вынести им самый точный и окончательный приговор...

Всего было человек двадцать-тридцать. Говорили не все – я видел, как вихрастый паренёк в голубой рубашке, сидевший в моём ряду, лукаво шурился, думая о чём-то важном, но не желая показывать этого никому. Пожилой человек, который доказывал про «двадцать пять лет

они мучали страну», ёрзал на стуле и нервно мял пальцы, но из последних сил удерживался, чтобы не перебить.

Андрей иногда вставал со своего места и вмешивался в спор – он не был ведущим собрания, но тщетно пытался управлять происходящим:

– Ребята, тише, не все сразу! – и сразу же удивила меня скрытая нервность в его голосе и то, как неуверенно он чувствовал себя здесь.

– ...Стоп, мы не об этом... давайте по руке... – его почти никто не слушал, и каждый стремился возразить не по очереди.

– Паша, – наконец, обратился он к молодому парню с георгиевской ленточкой на пиджаке, который выступал первым, и я вспомнил это имя – о нём часто говорила Катя, он был здесь одним из главных. Тот нарочно ждал, когда ему дадут слово, чтобы опять с полным правом заговорить.

Он выступал также как и все здесь, но более решительно, как имеющий право высказать всё громче и яростнее других. Сначала о том, что необходимо работать с молодыми людьми, объяснять им историю и особенно опасность фашизма. Потом о зверствах Бандеры и о том, как он убивал мирных граждан. Он пытал или нет? Он насилывал? Вы хотите это отрицать? – нагнетал сильнее и сильнее, но глаза оставались при этом спокойными. Наверно, он очень хотел походить на мужчину в меховой шапке, выступавшего на митинге, того самого Сергея Владленовича, а может, он даже нарочно копировал его манеру. «А где же сам Сергей Владленович? – удивился я. – Почему его нет?»

Паша высказался, демонстративно отошёл к окну в дальнем углу комнаты и, опершись на подоконник, захлестнул ногу на ногу. Кто-то на задних рядах осторожно зашептал, но громче и громче. А потом всё зашевелилось, задрожало – в недрах невидимого муравейника готовились вырваться наружу тысячи возмущённых слов. Резко, с придыханием заговорили рядом со мной двое, попеременно перебивая друг друга, попытался успокоить всех Андрей – и вся ячейка задрожала от молодой жесткости и порывистости. «Мы им покажем... мы им показали в Крыму... и будем гнать бандеровцев до самого Львова», – грянул полный парень в чуть скошенных набок очках, сидевший позади меня. В комнате перебрасывали большой горячий мяч, а я никак не мог его поймать.

С левой стороны, у самого окна, где стоял Паша, сидела маленькая девушка с милостивым, но очень бледным лицом и тёмными короткими волосами. Она слушала, не произнося ни слова, но живо реагируя на каждое движение спора: то загоралась, то недовольно поджимала губы и, закрывая глаза, откидывалась на спинку стула, словно каждый говоривший пробуждал в ней то ли женскую страсть, то ли жгучую ненависть. Одета она была в чёрную бархатную блузку с открытыми плечами, может, даже слишком открытыми для политического заседания.

Наконец, подошла её очередь. Она поднялась и долго стояла молча, так что постепенно вокруг стало тихо. Это было неожиданно – и потому что она была девушкой в окружении выступавших парней, и потому что в её поведении не чувствовалось срывающегося желания обязательно вставить фразу в общий спор.

– Хочу вернуться к полемике между Пашей и Петром Петровичем, – заговорила она с ровным и сильным напором, кивнула пожилому человеку у стены, но сразу же равнодушно отвернулась от него, показывая, на чьей на самом деле стороне правда. – Все мы считаем гибель Советского Союза своей личной трагедией, – чуть смягчила суровый тон, как зачастую делал это Андрей, когда речь заходила о чём-то советском, – ...и, тем не менее, можем взглянуть на ситуацию в обществе объективно. А ситуация такая, что традиционные ценности поддерживаются сейчас большинством жителей страны. Поэтому мы и говорим, что так необходим большой опрос, который это покажет...

Ей подошло бы быть директором какого-нибудь государственного учреждения, нетерпимой к тем, кто нарушает дисциплину, говорила она уверенно, даже жестоко. Но руки, сжатые

в замок, иногда подрагивали от внутреннего волнения, и это наблюдение и понравилось мне, и отчего-то встревожило. Впрочем, кажется, она и сама всё понимала – опять остановилась, собираясь с мыслями, потом убрала руки назад, и теперь уже ничего не мешало ей продолжать, раскладывая всё по широким железным полочкам:

– Теперь второе. Нам важно не просто изучать врага и разоблачать его, но и противопоставить ему свою личную программу, свою мировоззренческую формулу. А русская формула – это формула любви, – выговорила вдруг с особенным акцентом, и эти резкие слова о любви так неловко прозвучали в накалённой душевной комнате. – Мы хотим объединиться с теми, кто нас любит. Поэтому мы не вошли в 2008 году в Тбилиси. Крым нас любит. И Юго-Восток нас любит, и поэтому мы придём туда и будем их поддерживать, – и таким странным было это «мы», как если бы это она в конечном счёте решала, кого поддерживать, а кого нет.

Девушка села на место, и я заметил, как Паша довольно улыбнулся и дотронулся рукой до её маленького острого плеча, а она невольно шевельнула локтём, сбрасывая эту неуместную руку.

«В целом я согласен с Варварой», – заговорил молодой человек в голубой рубашечке, и я запомнил это суровое имя. «Я хочу ещё сказать о нашей газете, которую мы распространяем... – опять вышел вперёд Паша. – Здесь серьёзная аналитика на тему того, что происходит в мире... Особенно будет полезно тем, кто ещё только пришёл в движение», – и почему-то внимательно посмотрел на меня. А я торопливо отвёл глаза и с удивлением подумал, что может быть, не только я наблюдаю сейчас за ними, но и за мной в это же самое время кто-то наблюдает.

Внезапно всё закончилось, и я сначала даже не понял, отчего это они все разом поднялись со своих мест. А потом мне стало досадно – зачем же я так сильно опоздал, я ведь ни в чём не разобрался. Рядом задвигали стульями, стали громко разговаривать. Несколько ребят ещё хотели подойти к Паше и Варваре, и на сцене образовалась небольшая очередь. А я всё сидел на своём месте в углу, пытаюсь уловить какие-то случайные фразы в толпе, обрывки разговоров, но всё уже было зря.

В этот момент я заметил, как устремилась к выходу Катя, не ожидая Андрея, будто ей не хватало здесь воздуха, и я заторопился вслед за ней. На лестнице мы переглянулись, но ни на секунду не сбавили шаг. Вырвались в холодный свежий вечер, по инерции сделали несколько шагов и, наконец, остановились у шлагбаума перед низеньким решётчатым забором, разделяющим тесное пространство между домами надвое.

Дул осторожный ветер, каким-то чудом проникший в этот негостеприимный глухой двор. Над нами одиноко горел фонарь. В Катиных волосах блестела то ли маленькая брошка, то ли случайная снежинка.

– Ну как можно быть таким дураком, да? – резко повернулась она ко мне.

Я удивился, но потом понял, что это она про Пашу.

– Да не воспринимай его так серьёзно.

– Я не могу не воспринимать его серьёзно, – возразила Катя порывисто и возмущённо. – У нас же Паша идеал, Паша это, Паша то, он ведь уже сделал выбор, который мы всё никак не можем сделать...

В это время из дверей потоком стали появляться ребята, и Катя отвернулась, чтобы кто-нибудь из них ненароком не заметил её подавленности.

Подошёл Андрей. Катя нетерпеливо повернулась по направлению к метро, но он сказал:

– Стойте, давайте других подождём, – и не заметил, как Катя с яростью взглянула на него.

Она всё равно двинулась вперёд, медленно, из последних сил пытаюсь не выдать себя. Я шагнул за ней, и Андрею тоже пришлось тронуться с места.

Остальные ребята не спешили: столпились у крыльца и оживлённо переговаривались. Пожилой мужчина настойчиво доказывал что-то Паше, который стоял гордо и независимо,

глядя перед собой. Последней выскользнула из дверей та девушка, Варвара. Когда мы уже готовились войти в арку, я ещё раз взглянул назад. Она сильно махала кому-то вытянутой рукой, словно бы исполняла заводной клубный танец, а потом скрылась от моего взгляда за каменной стеной.

Темнота обступила со всех сторон, и мы почти наощупь шагнули на открытое пространство широкой и пустынной улицы. Катя шла впереди, Андрей был совсем растерян от её торопливости. У детской площадки на выходе из двора он ещё раз попытался задержаться:

– Кать, подожди! Куда ты так торопишься? – и в голосе его было и недоумение, и раздражение.

Но та даже не обернулась, хотя и немного замедлила шаг. Я шёл посередине между ними, надеясь, что они сейчас помирятся. Мельком опять оглянулся и увидел в арке чью-то одинокую тень. «Может, Варвара?» – подумал я и испугался этой мысли.

У трамвайных путей мы догнали Катю, молча поравнялись и встали между двумя огромными тенями от деревьев. Я опять осторожно повернул голову – Варвара подходила уже совсем близко, и нужно было либо ускориться, либо ещё несколько секунд подождать, чтобы сойтись с ней окончательно. Но никто из нас троих не знал, как поступить.

Варвара, кажется, тоже совсем не хотела нас догонять, но пройти мимо было неудобно.

– Вы пешком? А то у нас некоторые ленивцы на трамвае едут... Как вам сегодняшнее обсуждение? Понравилось? – и, смутившись нашим молчанием, продолжала поспешно: – Не знаю, может, незнакомому человеку и могло показаться сумбурным, но это кружковский этап, его нужно пройти любой политической силе...

Произнося это, она мельком взглянула на меня, хотя и не обращалась явно, просто говорила как всем троим. К счастью, в тот момент совсем рядом звякнул трамвай, обливая нас густым жёлтым светом, и мы опасливо сгрудились у деревьев, уступая ему мостовую целиком. А когда на нас опять опустился полумрак, ещё некоторое время шли молча вдоль путей, провоя два пронзительных глазка.

– Конечно, ребята нетерпеливы, всё время спорят, – зябка пожала плечами, – это естественно. В спорах они учатся отстаивать свою точку зрения. Но в главном мы должны быть едины, а главное для нас сейчас это – общее мировоззрение...

– Да, ты права. Я сам об этом размышлял, – коротко ответил ей Андрей, но дальше продолжать не стал. И, кажется, разозлился ещё сильнее, оттого что вот бы сейчас всерьёз обсудить с Варварой такие важные вещи, а ему приходится вместо этого думать, на что же обиделась Катя.

Слева и справа от нас рядами росли высокие деревья, образуя длинный коридор для трамвайных путей, внутри которого шли мы. А где-то наверху, прямо над головами, ветер качал голые макушки, как куцыми вениками, подметая ими беззвёздное небо. Каменные шести-нерабочих фонарей появлялись из темноты. Я шёл с краю, и каждый раз обходил их справа, а остальные – слева, и получалось, что я иду отдельно от всех. Но мне-то было спокойно, я мог шагать так часами, слушая ветер, скрип веток, а им троим спокойно не было. У них там, в кромешной тишине, всё натягивалось, как тугая ткань, у каждого по-своему – недоумённо, раздражённо, обидчиво.

– И вообще, такая радость, ребята! – опять не выдержала молчания Варвара. – Я иногда просто иду по улице и вдруг вспоминаю – Крым наш, всё, этого уже никто не может отменить. И мне так хорошо, я не могу даже этого выразить словами, – она говорила нарочно воодушевлённо, но на самом деле постепенно становилась всё мрачнее, оттого что мы совсем не поддерживали её дружелюбный тон, и уже, наверное, ругала себя, что вообще подошла к нам.

Ещё несколько мгновений такого вот разговора, и она должна была закрыться. А я подумал, что может, больше и не увижу её никогда, но мне всё равно будет потом жаль, что я вот

так вот оставил человека в сложной ситуации, словно обманул его. Но Варвара не замкнулась, не замолчала – просто вдруг резко повернулась в мою сторону:

– А вы вообще знаете, что Крым теперь российский?

– Знаю, – растеряно ответил я. И на всякий случай добавил: – И тоже рад.

– Извините, что я так спрашиваю, – продолжала она, вынужденная несколько смягчиться от моих слов. – Просто современная молодёжь зачастую ничем не интересуется. К нам приходят люди, которые не знают даже, когда была Великая Отечественная, их теперь в школе ничему не учат...

Я подумал, что она как минимум на несколько лет младше меня, а значит, и школу закончила позже. А ещё о том, что ей было проще выплеснуть свою злость на человека не из ячейки, чем на своих, и именно поэтому она сейчас заговорила со мной. И опять пожалел эту колючую девушку, которая так плохо скрывает свои чувства и так уязвима, что её могут задеть даже те, кто совсем не желает ей зла.

Мы опять пошли в тягучей и двусмысленной тишине. И вдруг на помощь – то ли мне, то ли Варваре, кто уж теперь мог разобрать – пришла Катя.

– Володя ходил с нами в субботу на митинг, он по-настоящему переживает, – горячо воскликнула она. – И знаешь, Варь, я ещё хотела тебе сказать, ты молодец, ты очень хорошо сегодня сказала на собрании, и особенно про любовь. Ты всегда очень хорошо выступаешь, и я всегда внимательно тебя слушаю...

– Другие ребята тоже много важного сказали, – осторожно поправила Катю Варвара, но видно было, что ей и приятны слова Кати, и сразу легче стало оттого, что чьи-то свежие чувства ворвались в этот сухой разговор.

– Да, да, но ты сказала лучше, – перебила Катя, и в голос прорвалось столько неожиданной страсти. – Я ведь ещё хотела тебя спросить по поводу опроса, – и я опять удивился, что она знает об их ячеечных делах, о каких-то опросах, думала о них и даже хотела о чём-то спросить. – Мы взяли анкеты для распространения и решили отнести их в церковь. Может, мы неправильно сделали? В церкви ведь люди лучше, чем в других местах, и опрос будет необъективным, да?.. – но чем больше она говорила, тем меньше горела, и в конце концов устыдилась своей многословности – не слишком ли она глупо выглядит, не сказала ли лишнего.

Вот и Андрей поморщился недовольно: по его мнению, Катя всегда говорила не то.

– Ну причём тут церковь? – не выдержал он.

Но Варвара не заметила его недовольства и оживилась ещё сильнее:

– Слушай, мне кажется, ты очень глубокую вещь сказала! Это интересно, я как-то не задумывалась, это же целевая группа. Да, ты права, конечно, цифры поддерживающих традиционные ценности в церкви будут выше...

– Но знаешь, – остановилась вдруг и таинственно улыбнулась, – Сергей Владленович часто употребляет такой красивый образ, кажется, из Блока, что мы должны стиснуть меч в руке народной. Опрос не самоцель, он поможет нам обосновать очевидный факт, понимаешь? Способ вложить меч в народную руку. Поэтому если результат будет несколько выше оттого, что мы проводим его в церквях, а не в гей-клубах, это в принципе не страшно...

Катя слушала её и горячо кивала, и я понимал, что ей важны были не сами слова, а то, что Варвара произносит их так уважительно и с увлечением, и Катя была благодарна ей за это. И мне самому стало радостно, что всё так потеплело, и особенно приятны были теперь – и таинственный полумрак, и пустынная улица, и снег, лёгкий, почти весёлый. И эта странная девушка, сжимающая кулак с воображаемым мечом, говорящая так серьёзно и строго, что и самому хотелось ответить ей что-нибудь эдакое, чтобы она и на меня посмотрела не как на зелёного новичка, и начала бы увлечённо объяснять мне что-то, а я заинтересовано кивал бы в ответ.

– Ну это я так думаю, – вдруг испугалась Варвара резкости своих последних слов, – а вообще, нужно спросить... Давай я узнаю точно и скажу тебе, хорошо? Ладно, слушайте, я слишком разволновалась, а сейчас вспомнила... мне надо подождать Пашу и кое-что ещё с ним обговорить...

Она отстала, поджидая других, и осталась одна в темноте. А мы шли по-прежнему молча, но уже спокойнее – как если бы просто по пути домой встретили давнего друга, поговорили о чём-то интересном, попрощались, а теперь идём своей дорогой. Впрочем, когда мы уже подошли к метро, я ощутил, как сильно всё-таки вымотался, хотелось немного побыть одному, восстановить покой в душе.

– Ладно, езжайте, я ещё немного погуляю здесь, – сказал я Кате и Андрею.

А когда они спустились в метро, долго стоял у подземного перехода, а вокруг потоком текли люди, не замечая меня, и вечерний город гудел деловито, но не буднично, словно завтра должен был быть выходной или праздник, или просто решительно и бесповоротно наступала долгожданная весна. На кромке Ленинградском шоссе высится огромный плакат, приветствовавший возвратившиеся домой Крым и Севастополь. «Знаю ли я, что Крым присоединён», – вспомнил я и усмехнулся, но беззлобно.

Рядом с метро находился парк, огороженный невысоким забором. Я приблизился к нему, чтобы не стоять в самом центре людского потока и присел на корточки, опираясь спиной на железные прутья. Потом, не придумав ничего лучше, вернулся к Войковской, а у подземного перехода опять столкнулся с Варварой – она шла одна, наклонив голову. Мы оказались совсем рядом. Я смутился, будто подсмотрел что-то личное, что она бы не хотела никому показывать, но сразу же приветливо улыбнулся, чтобы она не подумала, что я могу использовать это личное против неё. А она слегка наклонила голову в ответ. И от этой случайной встречи, мне стало окончательно легко, и я двинулся не вслед за ней, вниз, в метро, а вперёд, куда глядели глаза, по бурлящему весеннему шоссе.

Часть вторая

5

Ветер рвал позеленевшие ветки, и, подчиняясь ему, перекатывались по мокрому асфальту трухлявые прошлогодние листья, осенний мусор и свежие, едва набухшие почки. И не передать было словами сумбурные и торопливые переживания, которые охватывали в те недели меня, и, казалось, всех людей вокруг.

Постепенно я проник в тот мир, который раньше почти не интересовал меня: начал смотреть новости, сначала раз в день по вечерам, потом стал заходить на новостные сайты с компьютера на работе, а иногда и целые часы проводил в напряжённом чтении. Впрочем, я никогда не понимал отчётливо, что происходит, и не мог, как Андрей начать сходу разъяснять, как нужно воспринимать то или иное событие – истина всегда была чёткой и ясной в его словах. Я же напротив, ощущал что-то неопределённое, то тревожное, то ликующее: горячую волну одного чувства, а следом – захватывающую силу другого. Когда я видел митинги, на которых огромная толпа ликует и кричит: «Россия, Россия», прямо как в Крыму, а потом лавиной занимает горсоветы в одном, другом, третьем городе на востоке Украины, меня томили предчувствия большой будущей победы. Но почти сразу же я узнавал, что где-то погибли мирные люди, опять прошли аресты, куда-то срочно перебрасываются украинские войска – и тогда становилось тоскливо оттого, что всё рушится и поднимающееся воодушевление обречено. В ячейку я больше не ходил, не хватало времени, были другие дела. Андрей ещё пару раз заговаривал со мной об этом, я обещал выбраться, но всё не складывалось.

В один из апрельских выходных я остался в квартире один: Рома в те дни был дома, в Житомире, а Катя и Андрей ещё с утра уехали на какое-то мероприятие, и потому я весь день наслаждался покоем и тишиной. А потом случайно в новостях увидел, что сегодня ночью

наступает Пасха. Вспомнил, как дома мы всегда красили яйца в этот день, сходил в магазин, купил два десятка яиц, разноцветные краски, и долго возился с ними на кухне, пока, наконец, не добился жиденького окраса скорлупы. Мои родители не были очень религиозными, но яйца на Пасху и поход в церковь за святой водой на Крещение – были обязательной традицией нашей семьи. Но особенно запомнились мне поездки на Троицу в деревню, где жили бабушка и дед. Тогда вся родня собиралась на старом кладбище, между могил расстилали широкое покрывало, все ели и пили, а потом возвращались в старый дедушкин дом и продолжали весёлую гульбу. А когда дальние родственники расходились и оставались только свои, бабушка зажигала тоненькую свечку и задумчиво сидела за убранным столом, и тогда можно было заметить, как влажнели её сухие морщинистые веки...

Но скорое наступление праздника навевало на меня даже не домашнее, а ностальгию по старшим курсам института, когда я сам вдруг сильно загорелся христианством. Это было время необыкновенного восторга, чтения религиозных книг, неясных мечтаний, мне со всеми хотелось поделиться моей радостью, всех привести в церковь, и первой, конечно же, оказалась Катя – она тогда только поступила в институт, и в Москве я стал для неё на какое-то время единственным близким другом. По вечерам мы часто гуляли с ней неподалёку от общежития и жадно разговаривали о том, как правильно жить, – она с воодушевлением поддавалась моим взглядам. А по воскресеньям я вставал ранним утром, готовил завтрак, спускался в комнату к Кате и будил её – она вставала, растрёпанная, и сразу же приходила к нам. Рома и Борис мирно посапывали по своим кроватям, хотя Борис иногда просыпался и лежал с открытыми глазами, глядя на нас, а потом недовольно вздыхал и отворачивался. Катя говорила громко, ей разрешалось шуметь, даже когда все спали. Мы завтракали и шли в церковь. Но там не стремились отстоять всю службы и обычно, выдержав около получаса, шли куда-нибудь гулять, думая, что когда-нибудь потом, когда станем старше, сможем терпеть дольше. Мы и не знали тогда, что самое большее можешь сделать именно в опухнутой радостью юности, когда ещё всё по плечу, всё живо и звенит в душе колокольчиковым звоном – а чем старше, тем приглушённое в тебе звуки... И действительно, постепенно мои восторги улеглись. Я и теперь верил и знал, что Бог есть, но жил, не особенно думая об этом, а всё больше ждал какого-то нового своего возгорания. Меня радовала горячая и немного наивная вера Кати, нравилось, что для неё всё это по-прежнему живо, что она хочет и Андрея привести в церковь.

В тот субботний пред-пасхальный вечер, незадолго до полуночи, чтобы занять себя, я опять сел за компьютер почитать новости. Всё было так же, как и днём, когда я смотрел их последний раз, но я всё равно проглядывал знакомые фразы опять и опять. Наконец, я поднял глаза на стену, где висели старые массивные часы и вдруг увидел, что минутная стрелка перешла за двенадцать. Я встал и попытался почувствовать что-то особенное, но ощутил только поверхностную пустоту внутри. Пасха наступила, но, наверное, оттого, что я не отследил радостный момент её наступления, самой радости не было. И тогда мне вдруг стало грустно, что вот, прошла ещё одна Пасха, а я занят какими-то, пусть даже очень важными политическими событиями и уже почти ничего не сохранилось во мне от того, кем я был несколько лет назад и кем, возможно, мог бы быть до сих пор. Машинально я выключил экран монитора, чтобы больше не видеть тягостных, врывающихся в меня слов новостей. Хотелось отгородиться от всего на свете, оказаться наедине с самим собой.

На следующий день я ездил в гости к Борису, вернулся поздно, а потом началась насыщенная рабочая неделя, и я целиком погрузился в дела и будничные заботы. Я работал в рекламном отделе большой компании и занимался монтажом роликов. В те дни у нас был большой заказ, мы не успевали и постоянно задерживались после работы. В огромной комнате, разделённой прозрачными перегородками, всегда было шумно, за спиной ходили, гремя стульями, врывались ко мне и торопливо начинали говорить, а потом приходилось надевать наушники и погружаться в бесконечное прослушивание одного и того же отрывка.

Была пятница, рабочий день уже давно закончился, но я продолжал по инерции доделывать оставшиеся задания, не касаясь их мыслями. Сквозь наушники доносились чьи-то голоса.

– Ты чего, Крымнаш что ли? – кажется, это была Галина Евгеньевна, худая подтянутая женщина, коренная москвичка, работавшая здесь уже лет десять и очень тепло относившаяся ко мне. – Понимаешь ли ты, что это всё равно, что к соседу в карман залезть?

Кто-то виновато оправдывался. Я глянул из-за монитора, но они стояли, видимо, где-то сзади, а оглядываться и выдавать себя мне не хотелось.

– А я вообще новости не смотрю, ящик только промывает мозги, – поддержал Галину Евгеньевну чей-то высокий, как звук ножовки по металлу, голосок, в котором я узнал Гену-системного администратора. – А то станешь как этот, из маркетингового, двинутый на голову, который на запутинский митинг всех своих сгонял...

В это время я машинально запустил новый ролик для монтажа, и опять провалился в работу, но держал мысль об этом разговоре где-то рядом, и, закончив ролик, вновь притаился, чтобы слушать, но голосов больше не было. Снял наушники, поднялся со своего места, недоверчиво огляделся – я оказался в офисе совсем один.

Тихо трещала лампочка на потолке, а из-за перегородок были видны столы, заваленные бумагами и несколько ещё мерцающих экранов, будто их хозяева лишь ненадолго вышли покурить. Офис был даже приятен мне в таком несуетливом состоянии остановившегося мгновения. Я медленно прошёл к двери, заглянул в пустой коридор и глубоко вздохнул. А потом шагнул к окну и распахнул непослушную створку.

Внизу монотонно шумел город. Я стоял, вслушиваясь в этот шум, постепенно проникающий в меня, вдыхал насыщенный свежий воздух, и ко мне неожиданно стало возвращаться ощущение сегодняшнего момента – вокруг оказался привычный мир, скрывавшийся от меня всю эту неделю, а впереди были выходные, свободные, спокойные, и опять можно было сидеть дома и не думать ни о чём. И тогда, вспомнив о подслушанном разговоре, я неожиданно осознал, что за последнюю неделю не только совсем не общался ни с Катей и Андреем, ни с приехавшим недавно Ромой, но и новости-то не читал ни разу после той пасхальной ночи. И тогда мгновенно ощутил сладкое замирание сердца и жадное желание новизны – скорее узнать, что там, и даже нарочно помедлил ещё несколько секунд, чтобы продлить предвкушение.

Торопливо вернулся к рабочему месту и распахнул ноутбук. Киевские власти штурмуют Славянск, жертвы... убиты в ночь на Пасху... в аэропорт в Краматорске перебрасывают войска... к Славянску движется колонна без опознавательных знаков... ещё один ополченец погиб... – я читал и читал, уже не разбирая даты, и новое, и старое. Чёрным огнём горели крыши на блокпосту, вооружённый человек с усталыми глазами говорил глухо – «мы будем стоять насмерть... нас так просто не взять», а потом взволнованный женский голос с надеждой спрашивал откуда-то сзади: «говорят, русские войска в Донецке, это правда?» – и я уже не мог сидеть на месте, встал и всё ходил и ходил по сонному офису.

Ночь была затаённая, тёплая, и лишь ровные лужи лежали на земле. Я возвращался домой, но во мне ещё звенели эти голоса. Я наступал на рассечённый московский асфальт, а внутри закипало лихорадочное волнение оттого, что где-то там, за сотни километров, есть легендарная жизнь, где стоят на защите своей земли русские люди и говорят – мы не отступим. И мне теперь казалось, что и я имею какое-то отношение к тем людям, потому что и я тоже – русский человек. Это чувство было не сильное, оно не могло побудить меня ударить или даже сказать какую-то резкую фразу, но всё-таки было достаточно явным и вроде бы настоящим.

Когда я пришёл домой, дверь в комнату Андрея и Катя была закрыта, а в нашей комнате сидел за компьютером Рома. Он недавно вернулся с Украины, но мы ни разу после этого не заговорили о том, что там происходит. У нас было негласное и в то же время совершенно отчётливое соглашение не касаться спорных тем, как бы ставя нашу дружбу выше любых политических разногласий. Но сегодня я не мог держать это в себе, мне хотелось выплеснуть всё.

– Слушай, ну вот сейчас мне уже точно кажется, что наши введут войска...

Рома вздохнул и посмотрел на меня с укором.

– Как будто сейчас их там нет.

– Конечно, нет! – оживился я, поражаясь его наивности и в то же время ощущая невольное удовольствие, что могу сказать такие слова немного небрежно: – Иначе они уже давно были бы в Киеве.

Рома слушал меня внешне спокойно, но всё время едва заметно морщился, как от большого зуба. Видно было, что он старается подобрать слова так, чтобы не выказать своих чувств.

– Володя, – начал он достаточно мягко, но этим названием по имени словно отгородился от меня стеклянной стеной, – я никогда с тобой не говорил по-честному, я знаю, что у тебя... другие мысли. Но я никак не могу понять... почему в твоём понимании русский патриотизм это хорошо, а украинский плохо?

– Сильнее всего, конечно, это у ячеечного, – он махнул головой на стену, за которой жили Катя и Андрей, – но и в тебе такое есть... почему вы нам отказываете в праве жить так, как мы хотим? Если мы хотим жить как в Европе, разве это плохо?

Последние фразы он произнёс резче и чуть громче. Я и мог бы ещё отшутиться, но его слова показались мне безумно несправедливыми.

– Разве это жизнь, как в Европе? – зацепился я за последнее сказанное им. – Разве европейски воевать со своим народом?

– Да с каким народом, очуманись, Володь, – Рома стал постепенно задыхаться и путать русские слова, как случалось с ним, когда он волновался, – да там настоящие военные, ты посмотри хоть фотографии, в сети выложены... против народа никто не идёт... помитинговали и разошлись – так двадцать пять лет было, и никто никого не разгонял...

– Вот потому и взялись за оружие, что их никто не слышал!

– Пускай так, но это проблема украинцев, причём здесь русские?

Мы остановились, сердитые, взвинченные, но оба ощущающие, что вот ещё немного и мы могли бы просто улыбнуться и остаться на том же спокойном понимании другого человека, в котором жили последние месяцы, но инерция спора не давала нам прекратить резко – каждый из нас считал своё раздражение оправданным, а себя правым настолько, чтобы ещё немного отдалить неизбежное примирение.

– Знаешь, я сейчас смотрел видео, – начал я спокойнее, но всё так же настойчиво. – И вот в одном ролике я услышал, как какая-то женщина спрашивает с надеждой, правда ли, что русские войска в Донецке. Заметь – русских войск там нет, – заторопился я. – Но люди их ждут. Я не знаю, как поступят наши, решатся ли они на это, но на видео я слышу обычных украинцев, которые не хотят жить под вашей «властью», и я не могу им сказать – нет, живите, как хотите, мы не будем нарушать целостность Украины...

– То есть ты теперь уже и не против, чтобы войска были? – перебил он меня и вдруг разом поскучнел. – Да нет, мне всё равно так-то... я буду в любом случае жить здесь... мне вообще политика не интересна... я просто не понимаю этих общих восторгов ваших...

– Да нет никаких восторгов, наоборот, все переживают, – воскликнул я, но и сам как-то погас.

Стало тихо и пусто оттого, что вот мы вроде бы уже замолчали и больше не спорим, но это согласие обернулось не примирением, а скорее, ещё более сильным разрывом. Мне было горько, что вот мы – вместе учились, вместе живём и часто понимаем друг друга почти без слов, но здесь отчего-то оказываемся такими разными, и он никак не может увидеть того, что так сокровенно открылось мне.

Я сидел за своим ноутбуком и думал о том, что два человека в принципе не могут понять друг друга до конца, а могут сойтись только на прямолинейном лозунге, как те фанатики из ячейки Андрея, на неглубоком принятии какой-нибудь формулы, которую на самом деле каж-

дый из них воспринимает по-своему, но не хочет признаться в этом даже самому себе. С другой стороны, размышлял я, ведь не может быть то, что есть сейчас внутри меня, ошибкой... и ведь это так явно, кто здесь прав, а кто виноват. И сейчас, прошло всего несколько минут после неудачного разговора с Ромой, а мне опять стало казаться, что стоит сказать ему какой-то иной, более сильный аргумент, и он сразу же всё поймёт.

Сам Рома тоже, видимо, чувствовал досаду и хотел как-то сгладить ссору.

– Эти опять кричали, я уже не могу их слушать. Пришли недавно, и давай... Сейчас вроде успокоились.

Я кивнул, но мне стало ещё грустнее, оттого что и у Кати с Андреем, казалось бы, самых близких друг другу людей, нет никакого понимания. Экран моего ноутбука погас, устав ждать движения.

Тогда я осторожно поднялся и прошёл на кухню, самое спокойное место в квартире, где затихали любые конфликты. Там машинально взвесил в руке перегоревший неделю назад чайник – будто что-то в этой квартире могло измениться за один рабочий день. Потом нашёл в верхнем шкафчике алюминиевую кастрюлю, налил в неё воду, поставил на плиту и стал искать на подоконнике непустой коробок спичек. Сзади скрипнула дверь, и на кухню шагнула Катя. Она остановилась в дверях, ровным невидящим взглядом смотря куда-то мимо меня, а потом проговорила:

– Андрей собрал вещи и ушёл.

Я удивлённо взглянул на неё.

6

Через несколько минут Катя уже рассказывала мне, что же произошло между ними. Она начала тем же спокойным голосом, которым сообщила об уходе Андрея, но в какой-то момент этот натянутый голос неожиданно лопнул, и прорвалось всё, что было у неё внутри – она заговорила сумбурно, торопливо, пропуская слова, путаясь в мыслях. Но о многом я догадался и так...

На Пасху Катя опять уговорила Андрея пойти в церковь. Они зашли всего на несколько минут, людей было не очень много, и храм стоял светлый, просторный, весь наполненный крупными белыми розами. Катя остановилась в самой середине, осторожно прикрыла глаза и думала о том, что раз есть Бог и такая красивая церковь, то у них с Андреем всё должно когда-нибудь стать хорошо – надо только любить его всем сердцем и тогда он поймёт и поверит в то же, что и она, и тогда и отношения их станут настоящими. Засыпая в тот день, Катя удивлялась про себя, как всё-таки просто жить, не переживая и не обижаясь, когда ты в таком настроении. Было ещё немного тревожно, вдруг на следующий день это чувство уйдёт, но утром она проснулась счастливая, ощущая в себе столько жизненных сил, что, казалось, теперь сможет всё делать правильно и вообще не ссориться, и даже если Андрей продолжит ходить на все свои мероприятия, не будет сердиться, потому что любит его.

В таком же особенном состоянии она провела несколько дней – ей хотелось всё делать для Андрея: готовить, убираться в комнате, радовать. Иногда по вечерам Катя нарочно заставляла его сесть за политические статьи к следующему собранию ячейки, и видела, что Андрей с неохотой принимается за них. И как приятно Кате было в такие моменты ругать его за беспечность, настаивать, чтобы он не отвлекался, а потом делать вид, что она читает своё, а на самом деле постоянно поглядывать на него. Иногда ещё, обычно сразу после возвращения с работы, они садились вместе смотреть новости, и Катя видела, как болезненно Андрей воспринимает всё происходящее, так что и сама начинала переживать и о славянских ополченцах и о глупых приказах киевской хунты. А он был благодарен ей за то, что она так возмущённо вскакивала и выражала те простые чувства, которые теснились в нём самом и которые он никогда не выразил бы так ярко, а продолжал держать внутри, мучаясь и съедая сам себя.

В четверг Катя предложила вместе пойти на еженедельный пятничный клуб, где собиралась вся московская часть движения, выступал сам Кургузов, и куда Андрей всегда ходил один. Видно было, что Андрея тронули её слова: раньше она соглашалась быть лишь на собраниях ячейки в Коптево, да и то без желания – и потому весь вечер он вёл себя с ней особенно ласково. На следующий день Катя очень устала на работе и хотела позвонить Андрею и сказать, что не придёт. Но, в конце концов, решила ехать, и ей опять стало хорошо, что она может вот так вот переступить через себя и пожертвовать чем-то ради любимого. Они встретились в метро. Андрей был сосредоточен и непривычно холоден для последних дней, сильно торопились, чтобы успеть к началу.

Всё проходило в большом здании, похожем на старый советский театр. В почти пустынном фойе стояло несколько столов, за которым участники движения регистрировали собравшихся. У одного стояла Варвара.

– Скорее, скорее, Сергей Владленович уже на сцене, – замахала она руками, ещё издали заметив их. – Сама регистрирую вас! Идите, идите! – заторопилась, видя замешательство обоих.

– Молодец Варя, – довольно проговорил Андрей Кате, когда они подходили к большим дверям, занавешенным тяжёлой бардовой шторой.

И пока они в темноте искали в зале места, извинялись перед кем-то, оказавшимся на проходе, устраивались, Кате было беспокойно, оттого что это из-за неё они опоздали, что Андрей, скорее всего, сердится сейчас и что он так искренне похвалил Варвару, которая уже наверняка никогда бы не опоздала на такое важное мероприятие. Но потом Андрей осторожно наклонился к её уху и тихо и нежно спросил:

– Ну как? Хорошо слышно?

А она поспешно закивала, хотя ничего ещё не слышала.

Зал был просторный, и слова из микрофона волнами ходили по нему то в одну, то в другую сторону, гулко отражаясь о стены и потолок, как в огромном бассейне. Кургузов ходил по сцене, заложив руки за спину. Он оказался теперь ближе, чем на митинге, но всё равно достаточно далеко, чтобы рассмотреть его хорошенько. И странно было, что такой маленький человек, похожий на лысого античного философа, подчинял себе этот наполненный людьми зал. «Интересно, есть у него жена? – подумала вдруг Катя. – Скорее всего, нет... А если есть, какие у них отношения...»

Кургузов говорил о важности информационной войны, ругал активистов за то, что так мало проводится пикетов, небрежно рисовал на доске графики и схемы, но она не старалась следить за его мыслью. И только один раз, когда он резко произнёс: «Время миндальничать и расслабляться прошло... я понимаю – всем хочется жить безопасно, ходить в театры, в кино, есть мороженное...» – Катя удивлённо вздрогнула, потому что эти слова показались ей связанными с их отношениями с Андреем.

А когда лекция закончилась, они ещё долго стояли в фойе с Варварой и другими ребятами из ячейки. Кто-то сказал, что сегодня Сергей Владленович выйдет в фойе и будет неформальное общение, и, кажется, Андрей ждал этого. Катя же была особенно взволнована происходящим и тем, что она стоит в этой гудящей толпе, враждебной или уже не враждебной ей – она теперь и не знала, и потому была затаённая, пугливая, но внешне как бы очень открытая и приветливая. Только беседа почти не касалась её: Андрей общался со всеми, но никак не вовлекал Катю в общее течение разговора, а сама она не могла поддержать ни одну тему.

Подошёл Паша, спросил, как ей мероприятие, она ведь первый раз здесь. Катя видела, что для Паши это общение – обязанность поддерживать каждого, кто пришёл сюда первый раз. Но всё равно была благодарна ему за то, что она не осталась совсем одинокой в шумном фойе. Впрочем, иногда в Пашином взгляде мелькало неожиданное, будто он осторожно пробовал на вкус то один её ответ, то другой, но она не придавала этому особенного значения, решив,

что это обычный мужской интерес, не относящийся к ней напрямую. И действительно через несколько минут тот уже оживлённо заговорил с Варварой.

Потом у Кати сильно заболел живот, и она сказала об этом Андрею на ухо, чтобы другие не слышали. Андрей посмотрел на неё тревожно, торопливо попрощался со всеми, но всё-таки нехотя, что она тоже отметила про себя.

Когда они вышли на улицу, стало легче, так что даже живот почти прошёл. Катя рада была, что днём она не отменила всё и нашла в себе силы сходить сюда вместе с Андреем и при этом даже не злиться на него.

– Интересная девушка Варвара, да? – заговорила она. – Ты не знаешь, они с Пашей встречаются? Кажется, они подошли бы друг другу.

– Почему интересная, обычная, – возразил Андрей. – Насколько я знаю, они с Пашей просто друзья, у них общие убеждения. Хотя я и не вникаю в их отношения, это не моё дело.

Кате показались странными его слова, но она решила не продолжать разговор на большую тему об убеждениях. Она видела, что Андрей хмурый – ей не нравилось это, и было даже немного обидно, ведь она сегодня всё сделала правильно – так чем же он не доволен? Хотелось растормошить его, вывести на разговор.

– Погода почти летняя, – начала Катя как бы совсем беззаботно. – Можно будет на выходных покататься на велосипедах. Помнишь, хорошо было осенью по ночной Москве?

Андрей тяжело вздохнул и недовольно покачал головой.

– Кать, мне надо много делать, – ответил он устало. – Я по будням просто физически не успеваю, ты же знаешь.

– Нет, нет, – не сдавалась она. – Мы всё распланируем, всё успеем. Главное не тратить время зря, да ведь?

Андрей поспешно пожал плечами, но Катя видела, что он не согласен, и ей хотелось объяснить ему, что она не против его занятий по ячейке, а наоборот, желает помочь.

– Ведь спорт он же тоже полезен, – продолжала настойчиво, – ты же сам говорил... К тому же нужно и расслабляться.

– Ты же слышала Сергея Владленовича, – перебил её Андрей. – Идёт война, нужна мобилизация. Сейчас не время отдыхать.

Он обычно не настаивал на своём, полагая, что не надо спорить с Катей, если она ещё не созрела до таких важных вещей, но сегодня, когда она сама захотела прийти на клуб, не мог не сказать ей этого. Катя же задыхнулась от обиды.

– Ну, нельзя же жить с таким настроением, – вырвалась у неё. – Ты постоянно говоришь, вот будет революция, вот будет война...

– Так если на самом деле война.

Катя зажмурилась и несколько шагов сделала в пустоту, не видя, куда наступает.

– Понимаешь, мне тяжело так, – выговорила она, наконец, жалобно, – и тебе самому тяжело, но ты не даёшь помочь себе.

– Я не маленький, не надо мне помогать, – ответил Андрей и ещё сильнее ожесточился.

Кате показалось, что это злые силы нарочно толкают её на ссору, и она испугалась, что может сейчас сделать такое, о чём потом будет сильно жалеть. Старалась подумать о хорошем, стала искать в ближайшем будущем то, что могло бы успокоить или отвлечь её, но ничего не находилось. А потом вспомнила – на завтра ещё был назначен пикет в Ботаническом саду, и окончательно обессилила.

Они почти зашли в метро, когда, не доходя нескольких метров до тяжёлых стеклянных дверей, Катя вдруг схватила Андрея за руку и отчаянно зашептала:

– Андрей, пожалуйста, помоги мне, давай не пойдём завтра на пикет... Потом я всегда буду ходить с тобой, но сейчас мне так тяжело, давай хотя бы на день остановимся, отдохнём... пожалуйста...

Андрей смотрел на неё с изумлением. Он услышал Катину обещание всегда ходить с ним и даже обрадовался ему, но в то же время оно не было для него чем-то новым – он уже давно ждал от Кати именно таких слов. А вот пропуск пикета был совершенным ребячеством. Тем более, завтра Варвара с некоторыми другими активистами из ячейки должна была осваивать новое место в Останкино, и потому на Андрея ложилось ещё больше ответственности, и он переживал, справится ли. Ему хотелось от Кати поддержки, понимания того, как важен для него завтрашний день, а не очередной истерики.

– Мы же запланировали, – ответил он резко. – Нельзя вот так вот взять и подвести людей, разве ты не понимаешь?

Катя неожиданно притихла и кивнула, испугавшись не столько грубого тона Андрея, сколько своей несдержанности и того, что слишком явно показала ему – нет, она не изменилась, ей по-прежнему не нравятся все эти дела, связанные с ячейкой. И пока они спускались в метро, Катя судорожно переживала свой глупый торопливый порыв.

В вагоне встали рядом, но отчуждённо, стараясь не глядеть друг на друга. Вокруг мгновенно зашумело, хлестнул воздух из открытого окна. В лязгающем шуме докричаться до другого было невозможным, а во время остановок в вагоне становилось так тихо, что любое искреннее слово сразу же обнажило бы их перед стоявшими рядом людьми – и оба молчали, напряжённо ожидая каждую следующую станцию.

Под мерный стук колёс Катя понемногу пришла в себя. Её невольное согласие с последними словами Андрея, сделанное машинально, теперь показался ей даже правильным – следование плану, пусть даже вынужденное, всегда успокаивало, давало ощущение защищённости, уверенности, что произойдёт именно это и ничего другого. «Пусть, пойду на пикет... Может, всё забудется, может, мы ещё не поссоримся сейчас...» – подумала с надеждой.

А когда они вышли из метро, Катя даже заулыбалась раскинувшейся перед ними мокрой мостовой и солнцу, и лужам, и деревьям и только один раз с грустью вздохнула о том, что не придумать лучше времени, чтобы до утра кататься на велосипедах, потом встретить рассвет, и, ощущая приятную усталость, идти спать. Андрей же по-прежнему не мог успокоиться. Он не чувствовал себя ни в чём виноватым, напротив, это противостояние с Катей, отнимавшее и так небольшие его силы, раздражало.

– Зачем ты меня всё время тормозишь, – заговорил он с горечью. – Мне и так сложно, я мало читал, мало знаю, мне необходимо всё это навёрстывать. А ты специально мешаешь мне... Ты просто маленькая девочка, тебе ещё нужно вырасти.

Она слушала эти слова, напряжённо глядя куда-то в сторону, но последний раз ещё решила перетерпеть, поступить так, как и хотела – не спорить с ним и не расстраиваться. И сначала вроде как получилось, но в тот момент, когда Катя опять подавила в себе возмущение, ей стало так обидно, что именно она терпела всё это время, делала вид, что всё хорошо, что ей нравится на этом проклятом мероприятии: стояла, улыбалась там всем, как идиотка, и все видели, что она просто так пришла туда – просто нашему Андрею не с кем было оставить дома ребёнка, свою красивую девочку-дурочку...

– Так может надо избавиться от того, что тебе мешает? – спросила тихо, но уже с той отчётливой спрессованной обидой, которую теперь уже ничего не могло удержать. – Давай раз и навсегда определимся... скажи, кто тебе важнее, я или ячейка?

– Не заставляй меня выбирать, – попросил Андрей надрывно, так что она поняла, что он уже думал об этом, а значит, уже и знает, что бы он выбрал в таком случае.

– Значит, так, да? – переспросила Катя и почувствовала себя теперь полностью правой и оттого безжалостной.

Они вошли в свой двор, и до подъезда им оставалось пройти только через небольшую спортивную площадку, окружённую деревьями, в глубине которой виднелись старые качели. Но Катя не могла сейчас просто вернуться домой, она чувствовала, что тогда всё это останется

внутри и сожжёт её. Не глядя на Андрея, Катя свернула к качелям и села на них. Андрей же удивился, но подошёл сзади и стал осторожно раскачивать стальную цепочку – вроде бы ничего особенного не случилось, и они просто остановились здесь покататься. За деревьями горел яркий фонарь, так что сквозь густые ветки проникали неровные полосы света.

– Я понимаю, что ты не очень хочешь идти на пикет, – начал Андрей, стараясь поймать её взгляд, но она только насмешливо дрогнула губами – как будто дело было теперь в этом злосчастном пикете. – Но ведь это мероприятие уже согласовано, нам доверяют, и мы не можем подвести коллектив...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.